

ЭДУАРД ВЕРКИН

Черничная Чайка

КОСМИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Эдуард Веркин

Черничная Чайка

Серия «Черничная Чайка», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183297
Черничная Чайка: Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-37068-9*

Аннотация

Они встретились лицом к лицу. Два самых сложных подростка благополучной Земли будущего: автор рабовладельческого эксперимента Антон Уткин и борец за права угнетенных роботов Аврора Сон. Непримиримые идеологические противники сошлись в поединке за единственный в мире космический корабль, способный покинуть планету без разрешения властей, – знаменитую «Черничную Чайку»! Кто из них выиграет затянувшуюся дуэль и впишет свое имя в новейшую историю космического пиратства?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эдуард Веркин

Черничная Чайка

Глава 1

Гримасы футурологии

Джунгли были темны и беззвучны. Так не должно было быть, в джунглях ночью полно всевозможных звуков, все время кого-то жрут... Почему тут такая тишина? И почему я раньше этого не замечал? Так тихо не должно быть, не должно.

Я сел, прислонился к столбу. Андрэ не видно. А остальные стоят кругом. Как мертвецы какие-то...

Стало неприятно. Я почувствовал, как по спине пополз холод. Сразу вспомнились легенды про взбесившихся роботов, страшилки, которые мы рассказывали в походе у костра. Как роботы нападают...

Конечно, чушь. Чушь, небывальщина. Боты стояли не двигаясь, но мне все время казалось, что за моей спиной они шевелятся. Перемигиваются, приближаются...

Я обернулся, цепь звякнула, и от этого звяка меня пробрало холодом еще шибче. Звук получился какой-то мертвецкий и тоскливый, я почувствовал себя одиноким, самым

одиноким человеком на свете.

...А потом среди ветвей начали загораться глаза.

И тут я, конечно же, проснулся. В холодном, заметьте, поту, как герой настоящего готического романа. Даже неприятно. Даже эмаль на клыках трескается. С неприятным хрустом.

Так я, наверное, полмесяца просыпался, пришлось потом к зубоделу бежать, восстанавливать зубное хозяйство. Восстанавливал и думал – прав ли я был? Прав ли я был, что пожалел этих, батискафовцев? Что не вверг их в пучины и стражища, чтоб зывали они ко мне, в грязи пресмыкаясь, с мольбами и жалобным воем, копытца свои растопырив, дрыгаясь костями и соплями брызжа.¹

Думал так, думал сяк, к мировому опыту обращался, а потом уже не до рефлексий стало, над головой затрещало. Как шутили древние – капли расплавленного железа стали капать на казенные сапоги.

Читали «Будущее здесь»? Я еще в восемь лет утянул у прадедушки с пыльной этажерки. Толстенная такая книга, а смешная – просто головой о косяк стучался. Автор Г. Злато-борский, известный в свое время футуролог. Но, по-моему, он не футуролог, а обыкновенный фантаст, и даже, пожалуй, сказочник-лапотник – ни одно его предсказание толком не сбылось, только стратосферу сотрясал.

¹ Читайте эту историю в книге Эдуарда Веркина «...», издательство «Эксмо». (Примеч. ред.)

Телепортация. Никаких телепортов на улицах наших городов нет, хотя сам принцип известен давно. Однако телепортация критически меняет молекулярную структуру объектов, поэтому мгновенно перебросить вещество даже на расстояние одного метра не получается. Получается каша. А посему мы летаем. Как в самой дремучей древности – на флаерах, глайдерах, скутерах, вертолетах, много техники напридумывали, хоть в колодец сбрасывай.

Никакой еды из тюбиков, тут вообще все как раньше, ну разве что научились выращивать мясо отдельно от коров, а так... Та же самая жарка, варка, фритюр. И даже больше – рестораны и всякие другие полезнейшие общепиты вышли из моды, все как сумасшедшие готовят еду своими руками.

Никаких энергоконвертеров – сыплешь мусор, получаются мегаватты. Энергия вырабатывается универсальными накопителями – спиральными кристаллами, которые могут трансформировать все – от энергии вращения Земли до температуры, выделяемой телом, – в каждом приборе эти кристаллы, все на автономном обеспечении. А там, где энергии требуется много, – накопители. Чрезвычайно емкие. Один дурачок надрезал накопитель алмазным лазером и запустил его в озерцо средних размеров. Вода кипела трое суток.

Или взять хотя бы связь. Основываясь на бурном развитии коммуникационных технологий в начале тысячелетия, все как один предсказывали грядущую революцию в этой области. Однако уже через сто лет развития технологий эфир-

ной связи стало ясно, что пользы от нее меньше, чем вреда. Середина двадцать первого века принесла сразу несколько серьезных эпидемий мозговых расстройств, возникавших у людей, предки которых активно использовали беспроводные устройства связи. Была доказана связь между ними и участвовавшими случаями сумасшествия, в результате чего Карантинная Служба провела закон об изъятии мобильных устройств связи. Люди вообще не общаются по радио. Никаких популярных у писателей-фантастов начала тысячелетия телефонов-браслетов, никаких передатчиков, вплавленных в мозг, никаких постоянных информационных полей. Радио-тишина.

Из небытия вынырнули обычные проводные телефоны. Если же требуется позвонить подальше, к примеру, на Луну, то используется машинка весом и размером с диван. Есть, правда, еще устройства сверхсвязи, например те же трансмиттеры, – для вызова экстренной помощи, ну и тому подобных случаев, но пользоваться ими следует только в экстренных ситуациях. А то голова испечется.

Будущее наступило. Только оно совсем не похоже на будущее Г. Златоборского. Будущее как будущее, скучное только очень, даже повоевать не с кем, и это опять в минус нашим доморощенным футурологам – человечество не встретило ни братьев по разуму, ни врагов по оружию, человечество одиноко. Футурология ошибалась.

Но еще больше ошибалась футурология по части социо-

психологии. Предсказывались серьезные проблемы, массовые разрушительные фобии, скатывание в варварство, войны и новый рассвет. Тут степень попадания пальцем в небо приблизилась практически к ста процентам. Тот же москвич Златореченский предсказывал несколько так называемых «ювенальных войн» – ситуаций, когда конфликт поколений выйдет на новый уровень и разрешится лишь с применением оружия, и:

вариант «а» – молодежь истребит стариков,

вариант «б» – старики уничтожат молодежь.

Ничего подобного. Никаких войн не случилось, никто не убивал стариков, никто не охотился за семнадцатилетними. Вообще количество отклонений в поведении подростков снижалось в два раза за каждые пятьдесят лет. А тех, кто продолжал безобразничать, отправляли в особые педагогические лагеря.

Как меня.

И капли расплавленного железа закаливали, только не на какие-то абстрактные казенные сапоги, а на мою конкретную голову.

За что?

Официальное заключение (я с гордостью называю его приговором) гласило «за злостное нарушение общечеловеческих нравственных законов, опасное манипулирование сознанием, моральную деградацию...» И еще две страницы. Этот приговор был зачитан во дворе школы при большом

стечении народа, и все меня дружески порицали – я чувствовал, как жгут кожу испепеляющие взгляды моих товарищей... Короче, если бы их было чуть побольше, ну, раза в три хотя бы, они бы меня, наверное, испепелили. Зачитывание приговора сопровождалось демонстрацией материалов, отснятых на Побережье. Понурые боты, железными истуканами возвышающиеся среди пальм. Плантации с сахарным тростником, разросшимся сверх всякой меры. Хижины с твердыми тростниками, столбы для наказаний... Одним словом, все.

И этих тоже показывали. Моих сосчастливцев, сиречь: Октябрину Иволгу, нервическую интеллектуалку, Виталия Потягина, завистливого ментального акробата, Фому Урбанайтеса, шишколюба-меняненавистника, Ярослава Ахлюстина, хитрована ползучего, незаурядца чиполлинистого.

Октябрина выглядела не очень, мне показалось, что она давненько не мылась, волосы слипшиеся, глаза печальные, сидит на скамейке, грызет кедровые орешки. Как белка. Потягин с первого взгляда казался бодрым, он вздыхал аккуратно золотыми грабельками песок. Однако при втором взгляде становилось ясно, что это не просто песок, а специальная успокоительная меркурианская соль, а развеселая распашонка не распашонка вовсе, а психороба – если Потягин вдруг пустится в безобразия, одежда быстренько его стреножит. Для несведущих под изображением Потягина за-

горелась надпись «жертва психотравмы».

Следующей жертвой психотравмы был объявлен Урбанайтес, хотя, на мой взгляд, он на жертву совсем не походил. Сидел, составлял экибану. Из водорослей каких-то. Или кактусов. Или шишек. Экибанский экибанщик. Экибанец. Он не жертва психотравмы, он жертва экибаны. Лучше бы его родители не экибаны учили составлять, а капусту выращивать.

Один Ахлюстин пребывал в радужном состоянии духа, боксировал со спарринг-ботом, плыл стометровку, упражнялся в гравитационной машине. Что ему: что рулем, что коромыслом – человек-машина.

Последним показали меня. Я выглядел бодро и весьма преуспевающе, зрителю сразу становилось ясно, что это я устроил несчастным ребятишкам все их злоключения и неприятности. Почему-то, правда, я тоже проходил по разряду «жертв», правда, не психотравмы, а непонятно чего.

Все это показали, потом устроили минуту молчания. Что-бы, значит, почтить мою бедную исковерканную личность, чтобы проститься с ней перед тем, как отправить в горнило перевоспитания.

И все опять на меня уставились, но в этот раз с сожалением, и я ощутил волну их жалости гораздо острее, чем даже ненависти – мне захотелось плакать, и я почувствовал себя самым несчастным человеком на земле. Даже стыдно мне сделалось, а это случалось редко, я подумал, что зря

все устроил с этими гадами, надо было подарить им Лунную Карту, признать свое поражение и посыпать голову пеплом.

Но минута молчания кончилась, резидент Карантинной Службы простер в мою сторону свой порицательный палец и отправил меня на перевоспитание.

За моральную, видите ли, деградацию! Можно подумать, это я хлестал несчастных ботов плетками-семихвостками. Можно подумать, это я приковал сам себя к столбу и обрек на ночь кошмаров! Даже не на одну, между прочим.

Конечно, это были не зомби. И даже не долгопяты, лемуры обыкновенные – выскочили – целая стая, какая-то у них откочевка происходила, проскакали, искушали, чуть кишки не выцарапали! Унеслись. А на следующий день прямо с утра я стал распухать. И руки, и ноги, и все чесалось, и зудело, и болело, а на следующую ночь понеслась очередная стая, меня снова кусали, щипали и всячески разрывали на куски.

И так три дня, Андрэ не успевал отгонять этих кровожадников. Когда прибыли герои из Карантинной Службы (как водится, все в белом и золотом, деловитые и с внушительным опозданием), то я истекал кровью и весь страдал. Как если бы ко мне приставили сразу восемь дюжин изрядных пиявок, а самого до этого напоили антикоагулянтom. Меня отправили на лечение, а едва я смог ходить и реагировать на окружающее, взялись разбираться, что же произошло на Злыдневом Бряге. И не только разбираться, но уже и потихоньку перевоспитывать. Должен признать, с успехом.

Я почти сразу раскаялся, признал все ошибки и уже готовился переродиться в высоконравственную личность, однако произошел пренеприятнейший казус. В числе других моим исправлением занималась милая бабушка – заслуженный педагог Солнечной системы. Ласковая такая старушенция, все меня спрашивала про детство, про первые впечатления, про первые обиды и первые радости. Я ей все рассказывал – обстоятельно и честно, и про тиски, и про пришельцев, и она кивала и радовалась сердцем. А потом я спросил – как будет сокращенно «заслуженный педагог Солнечной системы»? Запйсос? Или правильно запесус? К удивлению, мой невинный вопрос произвел на воспитательскую бабушку самое деструктивное впечатление. Видимо, ей его уже задавали при каких-то вздорных обстоятельствах. Потому что бабулька покраснела, позеленела и задохнулась, еще секунда, и она кинулась бы на меня, терзать и расцарапывать, однако усилием воли обуяла страсти и вышла.

В результате чего Педагогическим Советом при Карантинной Службе я был признан самым проблемным подростком Северного полушария.

Мама, на четыре часа выбравшаяся из своего Шпицбергена, рыдала, как Гертруда. Отец дистанционно обещал мною заняться, но не сейчас, а через полтора года, когда туннель к центру Земли будет окончательно просверлен.

Мне дали неделю на сборы, а потом во дворе моего дома приземлился лимонного цвета катер КС. И я с большими

предосторожностями был препровожден в карантин, а затем и на остров.

Даже шрамы еще не все зажили, между прочим.

Глава 2

Аврора Кошмар

Конечно же, мне дали коптер. Вертолет то есть. В Англии каждый год шесть человек разбиваются на вертолетах. И двух собак, между прочим, в турбины засасывает, – летят туда, растопылив лапы.

А они дали мне коптер. Хотя другого транспорта у них было в избытке, и экранопланы, и прыгуны, и вихрелеты, даже парочка дирижаблей возле мачт болтались, все, чтобы добраться до острова с комфортом, вздремнуть пару часиков, отдохнуть по-человечески...

Но мне выдали коптер.

Древний такой, где только откопали. Наверное, какой-нибудь клуб любителей старины подарил. Настоящая машина, на носу пулеметная турель, под брюхом крепления для ракет, все как полагается. А на борту акула нарисована и крестики. Заслуженная машина. Семнадцать акул подбила.

Так что я сначала поругался, конечно, а потом обрадовался даже – когда еще за штурвалом реального боевого вертолета посидишь? Уже даже стал предвкушать, как пойду над морем, как буду виражи заваливать... За штурвалом посидеть не удалось. Потому что возле вертолета меня ждал неприятный сюрприз.

Бот. Универсальный робот-андроид, полировка облупленная, модель допотопная, и рожа... Железная, но при всем этом хитрая такая, заносчивая, так и хочется треснуть. Где ты, мой добрый Андрэ...

То, что ко мне бота приписали, я давно знал. Ну, для примотра, разумеется, приписали. Во имя моего, разумеется, блага. Чтобы я что-нибудь не натворил. Правда, я думал, что бота этого ко мне только в лагере прицепят, оказалось, что нет. Диспетчер аэропорта подтолкнул меня к этой железяке и сказал:

– Велели тебе передать. Твой гид.

Он кивнул на бота, а тот даже не пошевелинулся в ответ, как стоял с кривой рожей, так и продолжал стоять.

– Гид? – брезгливо переспросил я.

– Гид, – подтвердил диспетчер.

– Лучше скажите соглядатай. Шкура. Шпик. Дятел. Барбанщик. Стукачок...

Я еще несколько синонимов вспомнил, спасибо доктору Мессеру, диспетчер впервые взглянул на меня с ленивым уважением.

– В наши дни к человеку приставляют тюремщика! – возмутился я. – Какой позор! Карантинная Служба превратилась в жандармерию! Вы что-нибудь слышали про Третье отделение?

– Это меня не интересует, – зевнул диспетчер. – Это ты уже в лагере им скажешь, начальникам своим, они тебя ждут

не дождутся. Мое дело тебя в вертолет посадить и проследить, чтобы ты не выпрыгнул.

– Вы мне еще наручники наденьте, – посоветовал я.

– Что надеть? – не понял диспетчер.

Темный попался. Хотя молодой, это ему простительно. Студент, наверное, лет двадцать всего. Аханул сессию, его сюда и загнали. Для вразумления. А сам он, наверное, о звездах мечтает, мечтатель...

Впрочем, мне этого Гагарина совсем жалко не было.

– Давай, полезай в кабину, – диспетчер подтолкнул меня к вертолету.

– А как же корзинка? – спросил я.

– Какая еще корзинка?

– С провиантом. В дорогу. Ну, там тосты, апельсиновый мармелад, пармезан, ветчина пармская...

Я вспомнил про Андрэ. Про того, который чудно готовил. Вот я хотел его взять, а мне запретили, приписывают теперь ко мне разных посторонних, разных согладатаев...

– Где провиант? – спросил я. – Я что, в концлагерь направляюсь? Вы хотите, чтобы я погиб с голоду?

– Тут час лететь, не помрешь, – довольно невежливо ответил диспетчер.

– Стрыгин-Гималайский ваши методы не одобрил бы, – заметил я. – Вы знаете, что такое гестапо? Ваш дедушка там не работал?

– Не зли меня, Уткин, – диспетчер потер кулаки. – Не зли.

Я с тобой церемониться не стану...

– Ну что вы, сударь, вы меня не так поняли! Вот вы сами подумайте. На этом корыте...

Я похлопал по борту коптера, и тот ответил мне недружественным жестяным звуком.

– На этом корыте, да с таким гидом... – я скосил глаза на бота. – Мы ведь и расшибиться можем.

– Тогда зачем тебе пармская ветчина? – устало спросил диспетчер.

– Видите ли, я верю в загробную жизнь. Вот мы расшибемся, и я, как добрый человек и воин, прямоком двину в сад Ирий. Этот металлолом с ногами, разумеется, со мной – как мой верный слуга. И что же получится? Вот дойдем мы до ворот чудесного сада, а там восьмиглавый пес, сторожит, значит, пропуска проверяет, пароль спрашивает. Его, само собой, надо чем-то задобрить. А чем? Никакой еды со мной нету, железяку вашу... Я кивнул на бота, – железяку он жрать не будет – вот и получается...

– Болтун, – перебил меня диспетчер. – Никогда таких не видел. Не зря тебя в лагерь отправили...

– Привет гестаповскому дедушке! – я щелкнул пятками. – У меня есть чудный рецепт пирога с дроздами...

– Давай, полезай!

Этот хам подтолкнул меня к машине. Бот зловеще потер ладони. Или мне показалось?

– Может, вы все-таки сбегаете в буфет? – спросил я. – У

вас там бутерброды с котлетами есть, я видел. Тут же недалеко! А если хотите, я сам могу сбегать...

Диспетчер погрозил кулаком. После чего откинул фонарь кабины, подхватил меня за шиворот и закинул внутрь. Штангист-виртуоз, Домкрат Сергеевич.

– Не зря тебя все-таки в лагерь отправляют, – сказал Домкрат. – Десять минут с тобой знаком, а уже на Меркурий хочу. В Постоянную Экспедицию.

– Осторожнее с этим, – посоветовал я, – у них у всех там волосы на спине начинают расти. И не простые, а кевларовые – потом ни расчесать, ни выщипать, вам оно надо, жизнь с такими волосами?

Диспетчер захлопнул фонарь. Я оказался в темноте, светофильтры активировались и стали подстраиваться под яркое австралийское солнце.

Что происходило снаружи, я не видел, потом в кабину забрался бот, и винты над головой скоро завывли, коптер задрожал, как стихотворная помирающая лошадь, а потом безо всякого предупреждения рванул вперед и вверх. Так резко, что я даже хлопнулся глазом о прицел, зачем тут прицел вообще, в кого у нас можно прицеливаться?

Больно хлопнулся, синяк теперь созреет. Прилетим, скажу педагогическому начальству, что меня этот диспетчер избил. Да. Применил запрещенные меры физического воздействия. Да еще к несовершеннолетнему. Не поверят, конечно, но я все равно скажу, я ведь враль. Враль и социопат, склон-

ный к мягким формам девиации. Меня перевоспитывать надо, вот пусть эти запесосы и перевоспитывают, а по морде прицелом зачем? Диспетчер вот меня избил, а этот хамоватый бот летит так, будто дрова везет, все внутренности растрясаются. Перевоспитание! Человека лаской надо перевоспитывать, а не прицелом.

Впрочем, с этим ничего поделаться нельзя, оставалось только терпеть. Чтобы терпелось быстрее, я придумал себе занятие – пока летели над океаном, выбирал моему гиду имя. Сначала хотел назвать его просто – Иуда, но потом передумал. Слишком долго произносить, язык сломаешь. Надо было что-нибудь покороче, из трех букв. Дуб. Боб. Лоб. Чтоб. Ничего интересного не придумывалось. Достал лэптоп, но он тоже не работал, то ли тут вообще все глушилось, то ли в самого бота глушилка была встроена. Никакой связи, никаких информканалов, радиотишина, короче.

Хмырь. Тоже длинно.

Заскок. Как раз в яму попали в воздушную, я ругнулся и придумал, как звать этого... В бессмертной работе доктора Мессера «Отсечение языка» в самом конце книжки есть раздел, посвященный так называемой «инфернальной лексике». В том числе и кличкам, то есть прозвищам. Там такие есть, просто уши в прах рассыпаются, желчь разливается от восторга. К сожалению, употребить их не могу, даже по отношению к боту. Пусть будет Заскок. Неплохо. Заскок Денисович.

Потом я стал думать вот о чем. Что-то меня в последнее время несет по тропикам. По джунглям. Пустыням. Островам. Одни острова в моей жизни, видимо, зацепился за меня какой-то островной период. С другой стороны, острова лучше, чем тундра. Лучше, чем горы или какие-то там ледники, лучше, чем Венера. Острова – это неплохо. Джунгли – это тоже неплохо, джунгли сейчас комфортные...

Я вспомнил джунгли, вспомнил Ахлюстина, Потягина, Октябрину, Урбанайтеса вспомнил. И даже с какой-то ностальгией. Чуть ли не слеза навернулась, стал я сентиментален. Бедные. Жертвы психического насилия. Молоко им кокосовое выдавать, как в допотопные периоды.

Вообще, диспетчер сказал, что полета тут час. Но мы летели уже два с половиной, а никакой земли и в помине видно не было. Или диспетчер обманул, или этот бот специально, чтобы меня помучить, все это затеял. Как эти вертолетчики раньше служили, даже системы гашения инерции нет, трясет, как... Как черт знает где! Как в кофемолке!

Часов через сто пятьдесят, нет, на самом деле через три часа двадцать минут вертолет повалился на правый борт. Под брюхом замелькала растительность, турбины заревели пронзительнее, болтанка усилилась, а потом снизу вдруг здорово пнули. Винты стали замедляться, и я понял, что мы прилетели.

На Остров Перевоспитания. Теперь я просто узник замка Иф, просто Себастьян дэ Моле, первый кроманьонец в кос-

мосе.

Приземлились, однако.

С фонарем я справился сам, кое-как перевалился через борт и вывалился в траву.

Заскок уже стоял передо мной.

– Нам туда, – проскрипел он и указал блестящим пальцем (между прочим, мизинцем) в сторону симпатичного строе-
ньица, больше всего напоминавшего миниатюрный вокзал.

Вокруг было...

Не было вокруг ничего интересного. Небольшая травяная полянка. Камни вокруг, низенький кустарник, с виду вполне непроходимый. Ну, и этот вокзальчик. Пришлось шагать к нему.

Заскок плелся за мной. Ровно в четырех шагах, все андроидные боты так ходят. Для безопасности. То есть если человек поскользнется, бот успеет его подхватить. Предотвратить, так сказать, сотрясение мозга. Но этот не очень себя утруждал, иногда на шесть метров отставал даже.

А я вот чуть не упал один раз, травма могла случиться.

Вокзал находился недалеко. Я вошел внутрь. Жарко, местные мухи, автомат с газировкой. Выпил два стакана. Ни тебе людей, ни тебе расписания, какое-то вымершее все, даже часы на стене и те замерли в вечном полдне.

Выбрался на перрон.

Сразу увидел столб. А на столбе колокол с веревкой. Я тут же стал в этот колокол звонить, хотелось почему-то послу-

шать. Дзинь, дзинь...

– Чего звонишь? – сказал кто-то неприветливо.

Сначала я подумал, что это мой бот. Что он вдруг обнаглел вообще через край. Но, обернувшись, я понял, что это не Заскок.

На скамейке с независимым видом сидела...

Особа. Или девица. Сударыней назвать ее не могу, сударыни в синих комбинезонах не ходят, и вообще они все в Китеж-граде утонули.

Короче, девчонка примерно моего возраста. Вообще я заметил, что в последнее время трудно понять возраст, с десяти до шестнадцати все выглядят примерно одинаково. Только ростом различаются и степенью наглости физиономии. Как Октябрина все, тьфу-тьфу-тьфу, снится мне все в последнее время, стоит с мачете, смотрит. А иногда на арфе играет.

Эта без арфы. И уровень. Уровень что надо, выше среднего, Октябрине до нее далеко. Глаза такие... Специально разные. Один синий, другой очень синий.

Мордочка ничего, хотя сейчас у всех ничего. Некоторые даже специально себя уродуют слегка – в мире поголовных красавиц выгодно быть слегка дурнушкой. Вот и эта тоже.

Лысая. Или бритая. Голова такой правильной, греческой формы, блестит, солнечных зайчиков пускает.

Сидит, на гусях играет. Не голова, кочережка.

Да не, не играет, просто сидит с вызывающим видом, раз-

валилась, ноги вытянула. Ботинки такие тяжелые, черные, где, интересно, откопала?

– Чего звонишь, контуженый, что ли? – поинтересовалась красавица.

– Ботинки где нарыла? – спросил я в ответ. – Прадедущку эксгумировала? Он у тебя тоже в гестапо? Я знал одного человека, он прах прадедущки с собой везде носил, в таком маленьком кедровом гробу.

– А ты...

Тут она вдруг замолчала и принялась меня разглядывать, будто я как раз и был тем самым дедушкой-гестаповцем, которого она откопала под покровом ночи, а потом носила в гробу и спрашивала его про урожай.

Ну и я стал ее разглядывать, хотя чего мне ее разглядывать, и так все понятно. Коллега. Я думал, меня одного перевоспитывать будут, а оказалось, нет, еще кого-то прислали.

Плохо. Мне представлялось, что я один такой негодяистый негодяй, а оказалось, что нет, есть еще люди, готовые высоко поднять флаг...

Опять коллеги, куда деваться.

– Так-так-так, – девица уперла руки в бока, но со скамейки не поднялась. – Какой неприятный сюрпризец!

– А ты мне, косматая, нравишься, – сказал я. – Тебя сюда на кухню прислали, на практику? В кулинарном лицее обучаешься? Так и знай, я люблю, чтобы жареного было побольше. И пирожки, и расстегаи. А ты студень умеешь варить?

Эта жужелица как пнет меня своим сапожищем, еле увернуться успел.

– Сам себе пирожки испекай! – злобно прошипела она. – И ко мне не приближайся даже! Рабовладелец!

И тут я вспомнил. Ну, про нее.

Ее звали Аврора. А фамилия Сон, не знаю уж, откуда такая образовалась. Романтическая фамилия, с такой книжки сочинять надо. В сентиментальном жанре. Но общественности Аврора была известна не как Сон. Она была известна как Кошмар.

Аврора Кошмар.

Аврора родилась потомственной бунтовщицей. Ее пращурь по материнской линии участвовали во всех европейских и даже мировых революциях, начиная с английской буржуазной, заканчивая японской кибернетической.

Бунтовали.

Потом, когда революции пошли на убыль, они боролись уже так, по мелочи. За права китообразных, за права зулусов, за права женщин, за права женщин-зулусов, за права енотовидных собак, за права на самоопределение полумразумных рыб с Кору.

И против тоже боролись. Против эксплуатации цирковых животных, против зоопарков, против ветряной энергетики, против генетической инженерии, да против всего, даже против пластмассовых игрушек – чтобы все игрушки были только из дерева, ими по голове удобней стучать. Как в Ки-

теж-граде.

Сама Аврора уродилась в своих предков. Я сразу понял, почему она меня возненавидела с первого взгляда. Инцидент с рабовладельческим экспериментом стал широко известен, обсуждался в прессе, даже в институтах его разбирали – правда, лишь как образец для анализа подростковой психопатологии. Многие мне даже письма присылали, не с угрозами, конечно, а с порицаниями, мол, нехорошо так поступать, неэтично. А одно письмецо выделялось, запомнил я его. Нет, в нем тоже не было угроз, просто ругань. Такая высококачественная, с привлечением старинных оборотов и столь любимых мною отсеченных слов.

И автором была как раз вот эта сидящая передо мной Аврора Сон, девушка-кошмар.

Вообще, протестовать у нас особо не из-за чего. Все сыты, все довольны, живут, утоляют информационный голод, сплошное Эльдорадо Духа. Но у Авроры протест в крови. По слухам, папа хотел назвать ее даже Анархией, в честь бабушки, но мать была против. Пожалуй, у Авроры протест даже не в крови, у нее он в генетике – столько поколений против всего протестовало, что сама Аврора не протестовать не может. Два года назад она тоже, между прочим, прославилась. Ну, не совсем так, как я, но тоже довольно громко. Прославилась тем, что подняла восстание роботов. Это довольно долгая история, но рассказать ее стоит – для иллюстрации способностей Авроры.

Первое восстание роботов случилось давно, почти век назад. Некий кибернетик, имя которого строго засекречено, разработал программу «Бесноватый бот». Не со злым умыслом, а просто так, как утверждали многие, на спор. «Бесноватый бот», прошитый в матрицу робота, превращал его в неуправляемое, а зачастую агрессивно настроенное по отношению к человеку существо. Нет, головы своим хозяевам боты не сносили, но вредили и мешали по полной программе. Заворачивали в персидские ковры, закармливали мороженым, отказывались выгуливать собак. Хуже всего пришлось автоматическим заводам – на них боты просто гнали брак.

Восстание распространилось по трем континентам, нанесло гигантский экономический урон, сорвало несколько планетарных программ, но, что самое страшное, восстание подорвало доверие человека к роботам. Многие отказались от домашних ботов, даже на производстве использование их сократилось. Именно тогда, кстати, были отмечены первые роботофобии.

Программа «Бесноватый бот» была локализована с огромным трудом. Первоначально было решено ее уничтожить, однако кибернетики предложили поместить «Бесноватого бота» в Архив Карантинной Службы, поскольку понять, каким образом «Бесноватый бот» воздействует на роботов, так и не удалось.

Два года назад каким-то невообразимым образом Авроре удалось проникнуть в АКС. Среди прочих чрезвычайно

опасных вещей ею была похищена и программа «ББ».

Через средства информации Аврора распространила свое заявление – если в двадцать четыре часа человечество не откажется от использования труда несчастных ботов, она за себя не ручается. Естественно, от ботов никто не отказался, человечество из ума еще не выжило.

И Аврора Сон подняла Второе восстание роботов. К счастью, серьезного урона ей этим восстанием нанести не удалось – агенты Карантинной Службы сработали оперативно, и все инфицированные боты были отключены дистанционно. Сколь-нибудь серьезный инцидент случился только во Всемирной библиотеке в Женеве. Банда взбесившихся роботов во главе с Авророй ворвалась в здание, нейтрализовала работников – загнали в кабинет директора и залили по грудь искусственным медом – и принялась разбираться с фондами. Книги, включая бесценные инкунабулы, поднимали на сороковой этаж, вырывали страницы, складывали из них самолетки и запускали. Город и озеро были засыпаны бумагой.

Агенты Карантинной Службы штурмовали здание библиотеки почти четыре часа. Боты сопротивлялись ожесточенно, в плен не сдавались, предпочитали выкидываться в окна и шмякаться о мостовую.

Впрочем, как и сама Аврора. Нет, в окно она не выкинулась, но отбивалась до конца. Отступала с «плаксой» с этажа на этаж, отстреливаясь от агентов, сражаясь за каждую пядь библиотечного паркета, а когда агенты блокировали ее

на крыше, она и там не сдалась. Могла бы дернуть на антиграве или хотя бы с парашютом прыгнуть, но она поступила по-своему. Ее окружили, и Аврора прижала «плаксу» к подбородку и нажала на курок.

Я видел репортаж о штурме Цюрихской библиотеки, на меня произвело впечатление. Лестницы, анфилады в готическом стиле, в воздухе кружится рваная бумага, перевернутые бюсты великих мыслителей и писателей, мудрые и горькие глаза Льва Толстого, слуховой рожок Бетховена...

И на каждой ступени, в каждом углу – агент КС. В броне, с парализатором, все как полагается. Рыдают как младенцы. Сама Аврора тоже рыдала, когда ее тащили вниз. Кстати, тогда у нее волосы еще были. Красивые. Блондинка.

Вот поэтому она меня и ненавидела. Она ботов освобождала, а я их, наоборот, закабалял и экстремально эксплуатировал. А некоторые мои друзья – о ужас! – их еще и плетками стегали!

Аврора, кстати, потом тоже еще что-то устраивала, поменьше уже. Но на путь исправления, видимо, так и не встала, недаром ее сюда законопатили. Вместе со мной.

У нее имелось еще несколько оригинальностей, например, Аврора была убежденной неофрукторианкой. То есть она не ела не только мясо, рыбу, молоко, яйца и другие вкусные вещи, она даже растений не ела, даже тех, что от старости падали и гнили себе на земле, никого не трогая. Питалась же сугубо синтетическими батончиками, которые производились

из белка, выделяемого в качестве продукта жизнедеятельности омерзительного вида лишайниками, обнаруженными на одной из комет. Батончики эти были довольно вкусны, я как-то один попробовал. Доесть, правда, не смог, перед глазами стояли эти самые паскудные лишайники. А вот все неофруктарианцы питались только ими.

И воду еще пили.

Сейчас же эта красавица сидела на скамейке и запускала мне своим черепом зайчики в глаза. Понятно.

Надо над входом в лагерь повесить транспарант: «Перекуем мечи на орала». Мечи – это мы, орала – это то, что будет на выходе. Орала – это такие плуги, ими можно орать, то бишь возделывать всякие пашни и прочие пажити. Впрочем, я уверен, что орать Аврора может только в современном смысле этого слова.

Я решил все-таки попытаться установить контакт, судя по всему, мы здесь долго прозагораем, так что хочешь не хочешь, а отношения завязывать надо, даже с такой квазимодичей.

– Послушай, Аврора... – начал было я.

– Мы с тобой незнакомы! – рявкнула она и отвернулась.

Ну, незнакомы и незнакомы, что мне ее, за косы, что ли, к знакомству тащить? Да и косичек-то, к слову, нет, хоть прибивай.

Не хочет общаться – не надо. Я отошел в сторону. Пусть. Отыскал своего облезлого бота, он, как железный дурак,

торчал на краю платформы, собирал пыль.

– Эй ты, Заскок, – позвал я. – Иди-ка сюда.

Зажужжал, как несмазанный будильник, и подковылял.

– Почему скрипишь? – спросил я.

Этот меня проигнорировал. Что еще такое? Боты должны безоговорочно подчиняться, а тут... Может, это Аврора его уже... заразила. Может, она утаила копию «Бесноватого бота»? И уже как-то успела... Да нет, вряд ли.

Значит, Педагогический Совет. Приставил ко мне непослушного робота. Видимо, с какими-то великими педагогическими целями.

– Послушай, Заскок, голубчик... – я смотрел на бота, как выучился на своем рабовладельческом Побережье – сквозь. – Послушай, не мог бы ты принести мне... Чашечку чаю.

Робот молчал. Внутри у него что-то попискивало, а так молчал. Игнорировал.

Тогда я решил действовать по-другому.

– Лежать, – спокойным голосом приказал я.

Бот не шевелился. Истуканил помаленьку.

– Лежать, я сказал! – проскрипел я с угрозой.

Никакого внимания. Со стороны робота. Зато со стороны Авроры внимание сразу возникло. Целый водопад внимания. Аврора вскочила, подбежала, встала между мной и ботом.

– Тут тебе не плантация! – зашипела она. – Немедленно

прекрати это безобразие!

– Извини, Аврора, – искренне сказал я. – Не думал, что ты воспримешь мой приказ на свой счет. Это, конечно, мне весьма льстит, но так и быть...

– Негодяй!

– Но так и быть, можешь не лежать, – закончил я. – Освобождаю от взятых обязательств...

Аврора сощурилась так сильно, что кожа на лбу сморщилась в гармошку.

И руку в карман сунула. Интересно, что у нее там? Батарея от «Плаксы»? Может, помощнее что? Разрядник? Или вообще что невиданное, мало ли чего в этих карантинных загашниках валяется...

– Ты... – рука в кармане зашевелилась, Аврора явно собиралась пустить в ход свое тайное оружие.

Не знаю, чем бы это закончилось, если бы не поезд. Показался. Даже не поезд, а какой-то мотовAGON, не знаю, как он там раньше назывался. В салоне никого, ржавый бот Заскок полез в кабину.

– Ваша карета, Золушка, – я сделал учтивый реверанс в сторону вагона.

Аврора не пошевелилась.

– Ах, ну да, – ухмыльнулся я. – Этим я тебя унижаю... Тогда я сам пожалуйю первым.

И направился к вагону.

Робот Заскок и Аврора Кошмар.

Прекрасная компания. Еще бы Сумасшедшую Лошадь. Так, для разнообразия.

Разумеется, устроились в разных концах вагона. Бот про-сигналил, и мы отправились в путь. Я откинулся в довольно жестком кресле и решил любоваться пейзажем.

Пейзаж, в основном, состоял из моря. Море было вокруг, остров, однако. В середине острова скала, черный базальт или еще что-то такое. У скалы лагерь – белые стены, черепичные крыши. Все. Скромный такой остров Иф, минималистский совсем.

Вагон дернулся, я думал, что он повернет к лагерю, однако вагон не повернул. Он, трясаясь и дрыгаясь, как паралич-ная собака, двинулся влево. Описал полукруг и поехал в обратную сторону.

Я смотрел в окно. На воду. Синее море. Кустики. Разру-шенные, в метр высотой стены, наверное, тут крепость рань-ше стояла. Или дурдом! Вот здорово было бы побывать в настоящем дурдоме! Я читал, что это чрезвычайно познава-тельно! Только тут ничего такого конечно же нет.

Хотя...

Я оглянулся на Аврору.

Сидела, независимо разглядывая пейзажи. Я подумал, что пора бы нам уже и повернуть. И мы повернули.

К вокзалу. Проехали мимо. Протряслись даже. И дальше. Сначала я не понял – мы ехали по тому же самому пути и явно собирались на второй круг. Шутка, что ли?

После четвертого круга я понял – не шутка. Повернулся к Авроре.

– Его что, заклинило? – спросил я.

Аврора промолчала.

Ну да, логично. Заклинило – не заклинило, но рельсы-то по кругу проложены. Игрушечная железная дорога... А может, это терапия такая – укатыванием. Берешь двадцать проблемных подростков, сажаешь их на мотодрезину и пару дней катаешь по кругу. И они постепенно перевоспитываются, перевоспитываются, перековываются на орала... А когда их снимают, то они уже совсем послушные, обожают суп, манную кашу и фламенко.

Может, это так и задумано – сначала в трамвай, потом в муравейник кинут. Новые методы воспитания, высшая педагогика.

На пятом круге я решил сойти. Может, это проверка? На послушание. Может, они – ну, наши педагоги, запесосы – хотят посмотреть, будем ли мы кататься по кругу, как идиоты, или сойдем на сушу, как неидиоты? Или еще что?

Я решил быть последним. К тому же в Англии каждый год девятнадцать человек закатывается до смерти на каруселях.

Вагон ковылялся не очень быстро, я прыгнул безо всякого труда и направился к лагерю. Пусть Аврора катается сколько угодно, может, это вызывает в ее голове особые завихрения, может, она от этого в экстаз приходит.

Я помахал Авроре ручкой и направился к лагерю. Пере-

воспитание начиналось странно.

Очень странно.

Глава 3

Лагерь

Когда-то тут на самом деле был лагерь. Ну, я имею в виду настоящий исправительный лагерь.

Конечно, не такой, как, допустим, в двадцатом веке, без вышек, без проволоки колючей, без овчарок Кауфмана, но все-таки настоящий. Перевоспитывали тут, было кого. Допустим, не хочет какой-нибудь мальчик жить правильно. Грубит, из дома сбегает, хочет походить на Сэма Драгго, космопроходца и беспощандера, ни родителям от такого житья, ни соседям. Или девочка какая, мама в детстве в вибросокковыжималку уронила. Жила-жила эта девочка, а потом – бах – парад планет, и решила она сделать своим кумиром Маргариту Чумак Первую. Покрасила волосы в зеленый, в окно выпрыгнула, родители, разумеется, в пыль, а она стоит вся такая самодовольная. И вот когда праздник отрицания в самом разгаре, появляются агенты Карантинной Службы и подхватывают героев под их непослушные жабры.

А дальше уже все по порядку, в мозгах немного покопались – и на остров.

Съезжались сюда лучшие педагогические силы, профессора, академики, практики, спортсмены великие. Они всей своей мощью наваливались на несчастных девиантишек и

перевоспитывали их, как капризных собак. Почти со стопроцентным результатом. А тех, кого перевоспитать не удавалось, тех сбрасывали со скалы. С этой самой, в центре острова.

Это я шучу. Их и дальше перевоспитывали, до полного перевоспитания.

Видимо, Аврора была самым проблемным подростком Южного полушария, хотя, если честно, все эти ее жалкие выкрутасы не могли идти ни в какое сравнение с моими свершениями. Но, судя по всему, сама Аврора считала по-другому. Думала, что право имеет, и вообще.

Ладно, подумал я, это мы исправим.

Я спрыгнул с койки, быстренько оделся и выбрался на воздух.

Утро, хорошо выспался...

Я потянулся и тут же насторожился – подумал, что на меня сейчас же накинута всякие Песталоцци, Сухомлинские, Блэйки и прочие, как говорится, запесосы, как следует возмут меня в оборот, скажут мне – «устыдись!», сверкнут очами, и я тут же устыжусь и побегу в «Армию Свободного Труда» записываться. Однако никаких педагогических светил я не обнаружил. На всякий случай я даже немного посвистел – авось сбегутся-слетятся, как мухи на приданое, но никого не появилось. Что было делать? Я решил, что, наверное, их еще не завезли. Что сидят они где-нибудь в Парамарибо, дуют пинаколаду и планируют, как лучше сделать из меня на-

стоящего человека.

И отправился гулять.

Вообще лагерь был построен просто, но, на мой взгляд, тоже бестолково – по линейному принципу. Одна длинная улица с тусклым названием «Приморская», хотя я бы назвал бы ее по-другому – улица Макаренко, допустим.

Бунгало. Разноцветные, но с облупившейся краской. Много. На всякий случай я заглянул в парочку. Ничего интересного. Столы, стулья, разобранные койки. Контингента никакого. В одном бунгало на стенке выцарапано – «Боже, храни королеву!!!» К чему бы это?

Посчитал. Семнадцать бунгало, в каждом по три человека. Всего пятьдесят один. Да, раньше матушка-Земля просто ломилась от правонарушителей! Щедра была, богата. Тут один я – проблема, а пятьдесят один я?!

Я представил и поежился. Все бы разнесли. Содрогнулось бы мироздание. Нет, раньше времена были другие. Серьезные, строгие, настоящие. Не то что сейчас. Грустно, грустно, конечно. Отрицательная динамика налицо. Полсотни – и один. Эту Аврору, разумеется, в расчет можно не принимать. Один-одинешенек...

Извели они мою породу, извели...

Все-таки я реликт. Меня не перевоспитывать, меня беречь надо! Культивировать даже. Конечно, сейчас все спокойно, мир во всей Галактике, летаем туда-сюда, жизни радуемся, о Контакте мечтаем. А кто может поручиться, что

Контакт правильный получится? Все эти ксенологи-теоретики дудят нам, что разум не может быть разрушающим, что даже если разум в каком-нибудь пауке разовьется, то будет этот паук добрым и мудрым, питаться будет клон-мухами, играть на скрипке и восхищаться Рабиндранатом Тагором.

Я вот лично на этот счет серьезно сомневаюсь.

Мир на Земле, все хорошо, все карамельно...

А если все не так будет?

А если пробьет Урочный Час? А? А вдруг из какого-нибудь Магелланова Облака полезут какие-нибудь... Такие. С щупальцами, с рогами, и у каждого по четыре мегараптора в четырех руках. И в ногах еще... этот, дизруптор, блин... А в клюве бактерии... Ну, не знаю, хтониты какие-нибудь. И скажут нам эти хтониты: – «А давайте-ка мы вас тут немножко поработим, а?»

И что тогда?

Кто сядет за штурвал новейших Z-файтеров? Урбанайтес? Так он только шишки может считать! И ими же любоваться! Кто, сжимая в бестрепетных пальцах тяжелый бластер, кинется навстречу сонму мерзейших подземных чудищ, навстречу ядовитейшим жалам, навстречу огню? Потягин?

Нет.

Я. Только я смогу поднять с колен человечество и двинуть...

Замечтался. Бывает. Это, кстати, тоже отличительное ка-

чество монументальных личностей – фантазия. Фантазия движет человечество...

Стоп.

Бунгало закончились.

Людей вообще видно не было, не прибыли еще. Да и ботов тоже, хотя откуда-то, наверное со стороны кухни, тянулся запах пирогов. Я втянул воздух посильнее и опознал пироги с рыбой и пироги с капустой. Это мне пекут, с удовольствием подумал я. Эта Аврора будет грызть свои плесневые батончики, а я пироги. Как человек.

От грядущих пирогов у меня улучшилось настроение, я огляделся с энтузиазмом, подумал: пусть перевоспитывают, легче лбом монорельс погнуть, чем меня перевоспитать, хотя, с другой стороны, я всегда открыт для здравых идей, для гласа разума.

По правую руку начиналась длинная лестница, спускающаяся к морю. По левую выползло из земли строение, похожее на старый северокорейский дот, – круглое, метров пять в высоту, архитектуры угрюмой. Или мини-каток, или тир. Лучше бы тир, на коньках я не большой любитель, разве что в керлинг, но там и вообще коньков не нужно...

Я направился к этому каземату, пнул тяжелую дверь.

Внутри пахло пылью, льда не было, сверху свисали ржавые цепи, лет сто назад архитекторы на цепях просто помещались, подвешивали их везде. Все-таки тир. Настоящий, как раньше делали – с умом. По стенам вплавленные в гор-

ное стекло образцы оружия, от древних кулеврин и бомбард до мощных «Гренделей», «Громов» и «Ласточек». Даже пара бластеров есть, из старых, с черными стволами. При виде всего этого богатства у меня даже руки зачесались, подумал я даже взять и отковырять себе что-нибудь, но потом понял, что бесполезно – вряд ли они боевое оружие стали бы тут оставлять, наверняка все сначала испортили. У «Гренделей» запаяны стволы, у бластеров сплавлены фокусировочные камеры.

Поэтому я оставил идею насчет разрушения стеклянной стены и отправился вниз, в залы.

Спустился, пнул другую дверь, она изумительно скрипнула, совсем как в доме у Магистра Ордена, у него даже доводчики на дверях имеются, ну, это неважно...

Свет зажегся. Я обнаружил себя в круглой комнате, стены которой были увешаны оружием. Уже настоящим, боевым – какой смысл держать в тире имитацию? В основном огнестрельным. Ну, еще пара арбалетов и луков, но эти штуки я не люблю, тут требуется умение. Однажды я стрелял из лука, содрал кожу на левой руке, растянул мышцы на спине, промазал, убил павлина. Не, лук я не любил и во всех реконструкциях, где надо было стрелять из лука, я не участвовал...

Нашелся еще сплин-генератор, выражаясь простым языком – «плакса». Любимое оружие Авроры. Не самая новая модель – такой черный кабанчик с серебряной рукояткой, по

ствольной коробке крупным золотом выложено «ПАША». Остроумно. И удачно – при случае паша мне понадобится. Интересно, почему «плакса» Паша? Хотя есть же Павлины...

Я снял со стены «плаксу», выщелкнул батарею.

– Заряд батареи восемьдесят процентов, – сообщил коммуникатор.

Батарею можно и без самой «плаксы» использовать – у нее специальные рожки выдвигаются, сунь под нос – и час в отключке, а потом ревешь, как двенадцать белуг, и жить не хочется. Удобная вещь, особенно в ближнем бою.

Но сейчас я выбрал штуцер. Слонобой. И патронташ, сорок патронов, тяжелых, медных, блестящих. Можно было взять автоматический вариант, но я выбрал ручной, так интереснее.

Зарядил два патрона, перекинул через плечо патронташ. Отстегнул терминал на стене. Выбор симуляций оказался небогатым. Вернее, он наличествовал, имелись и «Выползень», и «Восстание на Марсе», и «Пелларус»... но запускались только «Квази» и «Юр».

Выбрал «Юр».

Жаль, что запретили «Чикаго». Я сам, правда, в «Чикаго» не стрелял, но люди рассказывали, что симуляция выдающаяся. Двадцатые годы двадцатого века, разборки между бандами, револьверы, томмиганы. Теперь запретили. Теперь пали или по инсектам из «Квази», или по заврам из «Юра». По заврам страшнее. Особенно с ручной перезарядкой.

Ну что ж, посмотрим.

– Симуляция! – крикнул я и закрыл глаза.

Просчитал до десяти, открыл.

Запах ударил в нос. Листва и орхидеи, и еще что-то, что пахло миллион лет назад. Под ногами проскрипела длинная суставчатая тварь, вонючая и страшная, я отпрыгнул в сторону. И тут же увидел. Не знаю, как его звали, он походил на гигантскую курицу, только с толстым красным клювом. Вскинул ружье, прицелился в глаз, в оранжевое глупое яблоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.